

[П Е Р Е Д М О В А
Д О П Е Р Е К Л А Д У Т Р А Г Е Д И И « Г А М Л Е Т »
В. Ш Е К С П И Р А]

Еще в 1873 году задумал я перевести на малорусский язык лучшие произведения Шекспира с целью как популяризации произведений великого сердцеведа и драматурга, так и обработки родного языка на высших классических образцах. Меня ободряло в этом смелом труде то обстоятельство, что язык у самого Шекспира, будучи образным и могучим, вместе с тем и в высшей степени простонароден, иногда даже до вульгарной грубости, так как драматические произведения того времени еще не занимали места в литературе, но служили лишь для зрелищ, для забавы всякого рода публики. Для первого опыта взял я одну из лучших трагедий, «Гамлета», хотя и труднейшую по языку: в герое ее сосредоточивается необыкновенно высокое нравственное и философское значение человека, одаренного организацией тонкой, чуткой к рефлексам, человека с раздвоенной душой, колеблющейся, но способной действовать беззаветно,— даже до жестокости. Речь Гамлета полна и бурной стремительности страсти, и тонкого анализа малейших движений души; если добавить сюда полный поэтических образов и красот язык Офелии, витиеватую речь отца ее Полония, тонкости оборотов придворных льстецов и торжественность королевского слова,— то тогда только можно понять необычайную трудность задачи, которая мне предстояла. Хотя в моем распоряжении был язык и чрезвычайно богатый лексически, способный передавать и бурю страстей, и нежную песню любви, но все же это был язык раздольных степей и лугов, а не королевских палат, язык,

чуждый напыщенности придворного этикета, чуждый искусственной тонкости метафор и других риторических украшений. Вследствие отвычки употреблять родное слово для выражения высших понятий, каждая шекспировская фраза такого порядка могла звучать в украинском переводе неестественно и натянуто и требовала невероятных усилий, чтобы, не отступая от подлинника, придать ей возможно большую окраску украинской речи.

Я задался целью не отступать в переводе ни на йоту от подлинника, вступая с душевным трепетом в борьбу с художественнейшим произведением высочайшего гения, сохраняя вполне даже внешнюю его форму, т. е. и прозу, и белые, и рифмованные стихи, и даже размеры. В тоне речи я стремился достигнуть возможной простоты, прибегая к лексическому материалу, патентованному уже этнографией и литературой, за ничтожным исключением общепринятых слов, напр., формы, парадокс, терраса, сцена, которые я оставил без перемены, или таких, вместо точного перевода которых я поставил однозначные, напр., вместо «сандалии» — постолы, вместо «жезл» — патерица и т. д. В витиеватых фразах Полония и Озрика я допустил напыщенную искусственность, которая подчеркнута и самим Шекспиром, а в стихах, произносимых актерами, согласно подлиннику, — некоторую схоластическую дубоватость. Приходилось мне по несколько раз сызнова переделывать все и проверять мои переводы, приходилось еще изучать Шекспира по трудам талантливейших переводчиков как иностранных, так и славянских, для чего, кроме подлинников (издания Кембриджского, напечатанного Кларком и Рейтом, и Кольеровского), пользовался следующими переводами: превосходнейшим и точнейшим французским W. Hugo, немецким стихотворным Heise, и славянскими — польским Paschkowskiego, и русским Кетчера, сделанным хотя и тяжелой прозой, но очень близким. Что же касается до русского перевода Кронберга, то он, несмотря на блестящий, торжественный стих, менее близок к подлиннику, а потому в помощь служить мне не мог; о переводе Полевого, до сих пор держащегося у нас на сцене, я не говорю, так как он чересчур самостоятелен; достаточно указать на песню Офелии, начинающуюся у Шекспира буквально следующими строфами:

По каким признакам могу я узнать твоего любовника?
По шапочке в раковинах, по посоху и по сандалиям!

Песню эту Полевой перевел так:

Моего ль вы знали друга?
Он был храбрый молодец,
В белых перьях, статный воин,
Первый в Дании боец!

Не могу при сем не высказать моей благодарности следующим многоуважаемым лицам, сердечно относящимся к моему труду и бывшим полезными мне то указаниями, то советами, то глубокими знаниями родного языка — О. П. Косач (О. Пчілка) и М. Ф. Комарову, а по изучению и проверке с подлинниками знатокам английского языка — О. П. Цветковской и А. П. Гешвенд.

В настоящее время П. А. Кулиш, славный ратай нашего слова, знаменитый переводчик псалмов Давида, книги Иова и св. писания, приступил к печатанию за границей в своем переводе на украинский язык всего Шекспира; тем не менее я счел не лишним напечатать и мой перевод «Гамлета», так как чем более окажется работ в этом направлении, тем результатнее будет движение в разработке языка. Если перевод мой выйдет и не вполне удачен, то пусть «выбачать» мне дорогие мои земляки; пусть помнят о необыкновенной трудности передачи художественных, точно отделанных оригиналов на наш хотя и богатый, но крайне мало разработанный литературно язык. Я буду счастлив, если найду товарищей, желающих работать в одном со мной направлении, и если даже мои ошибки послужат им в пользу, — так сказать, отрицательным примером, — я буду тем не менее счастлив.